

О СОЧЕТАЕМОСТИ КОМПОНЕНТОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Русский язык как средство общения многонационального советского народа характеризуется многообразием функций и на территории Советской Калмыкии. Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика расположена в Европейской части Советского Союза в окружении Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского и Краснодарского краев. Такое административно-географическое положение, несомненно, оказало и оказывает существенное влияние на русскую речь калмыков.

Развитие и становление языковой истории в Калмыкии теснейшим образом связано с уникальнейшей историей самого калмыцкого народа. В самом деле, уникальность языковой ситуации уже в том, что калмыцкий язык из семьи монгольских языков живет и благополучно развивается в теснейшем окружении индоевропейской семьи языков. Исключительность языковой ситуации заключается еще и в том факте, что степень овладения русским языком у калмыков (и на фонетическом, и на словообразовательном, и на грамматико-стилистическом уровнях) существенно высока. Объяснение этому находим в учении К.Маркса и

Ф.Энгельса /1/ о том, что субъект истории усматривается не в самой истории, а в людях, которые творят эту историю, то есть в их чаяниях, стремлениях, в их деятельности, труде. И в этой связи возможно утверждение того, что знание русского языка, свою языковую историю приобрел сам трудовой калмыцкий народ, исходя из собственных интересов и стремлений. "На европейском материке калмыки поселились в конце ХУП века и с той поры непрерывно были в соприкосновении с оседлыми народностями различных племенных групп (славян, татар, армян, персов)..." /2/.

Языковая действительность современной Калмыкии представляется довольно интересной и богатой. Рост экономического, социально-политического и культурного уровня населения республики связан с расширением функции русского языка. За последние десятилетия особенно повысился миграционный процесс и мобильность населения Калмыкии. Социалистическая Калмыкия становится многонациональной, многоязычной: в дружной семье советской республики живут и трудятся калмыки (122 тыс.) и русские (125 тыс.), казахи (67 тыс.) и белорусы (17 тыс.), даргинцы (10 тыс.) и чеченцы (10 тыс.), немцы (5 тыс.) и украинцы (3 тыс.) и др. /3/. Бесспорно, что в данной разноязычной среде практически необходим, жизненно важен общий язык. Функцию межнационального языка в республике выполняет русский язык. А это, в свою очередь, порождает многообразие национально-русского двуязычия, ведущую роль калмыцко-русского двуязычия.

Взаимовлияние русского и калмыцкого языков происходит на всех уровнях, в том числе и на уровне синтаксиса. Одной из актуальных задач изучения синтаксиса русской речи в Калмыкии является определение степени нормативности структурно-семантических свойств синтаксических построений, выявление отклонений. Синтаксические инновации не только имеют место в русской речи калмыков-билингвов, но и довольно существенно проявляются в родной речи местных русских жителей республики. Этому способствует прежде всего социально-экономическая, политическая, идеологическая общность наших народов, что приводит к трансференции национальных культур и разноструктурных языковых систем.

Способы построения и внутрискруктурные особенности словосочетания, простого и сложного предложения, сложного синтаксического целого, текста, несомненно, имеют определенные отклонения от нормы в русской речи калмыков-билингвов, но с учетом лин-

гвистиче-их и экстралингвистических факторов эти отклонения получают свою полную дифференциацию. Например, самые распространенные отклонения от нормы русской речи встречаются в способах сочетания компонентов синтаксических единиц: здесь нарушаются и формы причинительной связи (особенно согласования и управления) и лексико-семантическая совместимость сочетающихся компонентов. Например, в именных словосочетаниях с атрибутивными отношениями: большой окно или большая окна (ср. калмыцкое - ик терз), теплый кавартира или теплая кавартир (ср.: дулан гер), тавая арадная дядя или тоной ородной дядьд (ср.: чини нахих или нахихчин). Причиной таких нарушений следует считать отсутствие грамматической категории рода в калмыцком языке. Однако наличие понятия о мужских и женских одушевленных, то есть живых, существах при абсолютном отсутствии понятия о среднем роде мотивируют появление вариантов оформления по женскому и мужскому роду в одной и той же русской языковой ситуации в применении не только к одушевленным, но и к неодушевленным существительным в русской речи калмыков.

Данные примеры иллюстрируют устную речь старшего поколения, они взяты из разговора информантов в возрасте 70-85 лет с начальным и средним специальным образованием. В речи же молодого и среднего поколения калмыков со средним и высшим образованием подобные факты уже не наблюдаются.

В глагольных словосочетаниях с объектным характером отношений отмечалось: варить чай вместо приготовить чай или вскипятить чай (ср.: калмыцкое цэ чанх), поставить (вместо положить) соль в чай (ср.: цээд давс төвх), поставить книгу на стол (вместо положить книгу на стол), ср. в калмыцком - стол дер дегтр төвх.

Подобные ошибки зафиксированы нами в речи представителей и старшего, и среднего, и молодого поколений калмыков с разной степенью образования. Эти отклонения от норм русского языка также мотивируются трансференцией нормы семантико-грамматической сочетаемости родного языка. В калмыцком языке есть словосочетание - цэ чанх (буквально - чай варить, не кипятить, подобно мах чанх - мясо варить, бодниц чанх - картофель варить и т.д.), хотя есть и вариант глагольного словосочетания - цэ буслһах (кипятить чай), үс буслһах (кипятить молоко), үс буслһах (кипятить воду), но здесь уже не в значении "приготовить пищу - чай", а в буквальном смысле процесса кипячения. Кроме того, в калмыцком языке нет дифференци-

ации понятия "положить, поставить что-либо" относительно неодушевленных предметов. Только одушевленные существительные обслуживаются глаголом "кевтцлх" (положить) - гемте ку орн дер кевтцлх (положить больного на кровать), и лишь в специальных случаях - при передаче оттенков характера размещения неодушевленного предмета - употребляется этот глагол "кевтцлх" в составной форме типа "кевтцлэд тэвх". Например: Көвүд, тер харһаг өвсн дер кевтулад тэвчктн - положить доску на сено. (типа "положить плащ").

Все еще часты случаи отклонений от норм построения синтаксических единиц в письменной форме русской речи калмыков-билингвов. Это наблюдается и в сочинениях школьников, и в письменных работах студентов, и в текстах периодической печати (в республиканских газетах "Советская Калмыкия", "Комсомолец Калмыкии", в районных газетах "Заветы Ильича", "Путь к коммунизму", "Искра"), а также и в текстах деловых бумаг и т.д. Например, из ученического сочинения: - "Мой папа, когда приехал с Элисты, стал директор нашего совхоза (вместо директором)", из студенческой работы - "Через год я буду студент второго курса (вместо студентом)", из текста газеты "Путь к коммунизму": - "В своем совхозе... он был передовой чабан (вместо передовым чабаном),... а его брат был чемпион района в прошлом году (вместо чемпионом)". Подобные ошибки допускаются вследствие того, что в отличие от русского языка в калмыцком языке именная часть составного именного сказуемого стоит только в именительном (нерэдгч) падеже.

Широко распространены ошибки, касающиеся нормативности порядка слов, что наблюдается и в словосочетаниях и в предложениях. Например: смородину собирать в лесополосе, книги в библиотеку сдать, студентов третьего курса на сакман отправить - подобные словосочетания построены билингвом по аналогии порядка слов, характерного для калмыцкого языка. Ср., например: гуйр элдх (буквально - тесто месить), теегэр арһс цуглулх (по степи кизяк собирать) и т.д.

Отсутствие предлогов в калмыцком языке (хотя их функции выполняются послелогом и падежными окончаниями), влияние местного русского говора также привносят определенные "помехи" в русскую речь калмыков. Отсюда случаи неуместного употребления того или иного предлога, избыточности или вовсе отсутствия его при семантико-грамматической обязательности. Ср.: "Отец Башанту уехал (вместо в Башанту). На эту точку приехали студенты с Элисты (вме-

сто студенты приехали из Элисты).

Значительно реже нормативные отклонения встречаются в художественных произведениях писателей калмыков-билингвов. По всей вероятности, нормативность русской речи здесь связана с профессионализмом мастеров слова, со степенью образовательного, культурного уровня и т.д.

Все это позволило избрать произведения художественной литературы и лучшие образцы публицистики, написанные на русском языке, для исследования общетеоретического вопроса, вопроса обязательной и факультативной сочетаемости синтаксических единиц. Эта проблема является одной из актуальных для билингвов: при построении правильных синтаксических конструкций в неродной речи важно иметь представление о законах сочетаемости слов в данном языке, о формах и свойствах связи слов, об общих закономерностях и конкретных проявлениях семантической валентности слов и словоформ, о критериях разграничения их обязательной и факультативной сочетаемости.

Дифференциация синтаксических единиц по признаку обязательности/факультативности компонентов представляет одну из самых сложных, трудных сторон анализа. На это неоднократно указывали многие исследователи синтаксиса /4/.

В связи с разграничением синтаксиса словосочетания и синтаксиса предложения становится правомерным рассмотрение вопроса о факультативности и обязательности компонентов синтаксических единиц с учетом этого разделения. Для словосочетания обязательность и факультативность его компонентов учитывается по одним признакам и распространяется в основном на зависимые компоненты, а для предложения такое разграничение проводится (исходя из собственно предложенческих особенностей прежде всего) с учетом структурного и коммуникативного аспектов и охватывает как главные его члены, так и второстепенные.

Понятие обязательности/факультативности компонентов синтаксических единиц теснейшим образом связано с понятием реализации семантической валентности слова с понятием семантического ядра значения слова, с понятием сложности структуры значения слова, что, в свою очередь, связано с понятием сочетаемости, с понятием интенции слова. Действительно, большинство лингвистов соотносят факт понятия валентности слова с понятием его сочетаемости, то есть определяют понятие реализации валентности слова через факт

его сочетаемости.

В советском языкознании давно уже поставлена проблема сочетаемости слов в составе синтаксических единиц. Так, С.Д. Кацнельсон отмечает, что все слова обладают синтаксической валентностью, понимаемой им как свойство "определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами" /5/. В словосочетании слова соединяются с учетом их способности сочетаться синтаксически и семантически. В качестве основных условий семантической сочетаемости выступает совместимость значений сочетающихся компонентов и определенный набор словоформ, необходимых для реализации значения господствующего слова. Таким образом, семантическая сочетаемость глагола связана с реализацией его "правых валентностей" /6/. Для характеристики "словосочетательных" возможностей глагола с тем или иным значением следует определить комплекс реализаторов его правых валентностей, что равносильно установлению формулы, схемы его семантической сочетаемости /7/. Однозначные глаголы и многозначные глаголы, реализующие определенное значение с помощью обязательных словоформ, могут быть разделены на одновалентные и мновалентные. Формулой сочетаемости валентных глаголов предопределено употребление при них одной или нескольких зависимых словоформ.

В синтаксической литературе получила широкое признание точка зрения, согласно которой обязательными распространителями глагола считаются словоформы, которые обеспечивают смысловую завершенность, достаточность и, следовательно, структурную законченность изолированно взятого высказывания, в котором он употреблен. Те же элементы синтаксического ряда, которые хотя и могут быть отнесены к глаголу, но не являются необходимыми для завершенности высказывания, квалифицируются как факультативные. Применительно к связям зависимых падежных форм существительного эти понятия по существу отождествляются с понятиями сильного и слабого управления /8/.

Обязательные именные распространители отличаются довольно высокой частотностью употребления при глаголе. Второй обязательный распространитель, например, при переходном глаголе в полном предложении употребляется примерно в восьми-девяти примерах из каждых десяти. Что касается необязательных распространителей, то они не характеризуются тенденцией к употреблению с какими-то оп-

ределенными глаголами. Не случайно как раз такого типа именные распространители предложения больше всего вызывают споров относительно того, считать или не считать их зависимыми компонентами словосочетания. Так, относя такие словоформы к разряду слабоуправляемых дополнений, О.Б. Сиротина отмечает, что их "более свободное расположение в сравнении с сильноуправляемыми по отношению к глаголу связано с тем, что они не образуют с глаголами словосочетаний и потому легче поддаются действию коммуникативной обусловленности" /9/. Действительно, употребление подобных распространителей при глаголе имеет коммуникативно-обусловленный характер, поэтому нет никаких оснований для того, чтобы считать их употребление заданным семантическими свойствами глагола. Но так как те именные словоформы, которые оказываются в высказывании в постпозиции к глагольному члену предложения, испытывают значительное тяготение к нему, то можно присоединяемые таким образом к глаголу (в нашем случае к глагольному словосочетанию в целом) формы косвенных падежей отнести к свободно присоединяемым факультативным распространителям, которые в соответствии с коммуникативным заданием уточняют или определенным образом конкретизируют понятие, выражаемое глаголом или глагольным словосочетанием. Такое объединение словоформ распадается так же свободно, как и формируется. Оказавшись разобленными, факультативная словоформа и невалентный по отношению к ней глагол функционируют в предложении автономно. Ср.: а) "Больной выпил лекарство под утро", "Под утро выпил лекарство больной", б) "Под утро больной выпил лекарство", "Выпил лекарство больной под утро". Во втором случае (б) предложная форма уже выступает как самостоятельный распространитель, поясняющий не глагольное словосочетание в целом (см. примеры "а"), а всю остальную часть высказывания как целое /10/.

Валентные же глаголы не теряют связи со своими распространителями независимо от их размещения в предложении, поэтому отношения между ними обнаруживаются без труда. Процесс общения предполагает знание схемы сочетаемости валентных глаголов. Этой схемой бывают заданы не только формы, но и типовые, наиболее общие значения распространителей глагола. Так, глагол "колотить" для реализации отдельных значений, которые можно объединить общей схемой "физическое воздействие на предмет", требует: а) винительного падежа без предлога либо дательного с предлогом по, или винительного с предлогом во: по чему, во что (объект воздействия); б) тво-

рительного без предлога (орудие воздействия). В формулах сочетаемости глагола, реализующего значение: "колотить кого(что)-либо чем-либо", "колотить во что-либо чем-либо", "колотить кого-либо по чему-либо", "колотить по чему-либо чем-либо" - все распространители представлены. В словосочетании словоформа со значением орудия воздействия может отсутствовать. Обычно это бывает, когда в качестве субъекта действия выступает лицо, не применяющее другого орудия воздействия, кроме рук (значения "наносить побои", "бить" - колотить человека, колотить посуду). Предложение с таким неполным словосочетанием не испытывает семантической ущербности, так как в нем имплицитно представлен, то есть подразумевается, и орудийный распространитель. Иногда заданные, но не выраженные, подразумеваемые распространители тоже называют факультативными /II/. Видимо, эти распространители как зависимые формулы сочетаемости глагола следует считать обязательными. А вот степень обязательности их употребления в речи невысокая. Она зависит от коммуникативного задания: если говорящему нужно подчеркнуть значимость или необычность используемого орудия. Проводя, с одной стороны, разграничение обязательных и факультативных распространителей и дифференциацию обязательных распространителей на обязательно выражаемые и подразумеваемые, с другой стороны, мы получаем более точные ориентиры для выделения в составе высказывания семантико-синтаксических типов словосочетания.

Среди валентных глаголов переходные глаголы занимают особое место. Так как каждый из них обладает обязательной валентностью, для которой необходим объектный реализатор, то возможностей распространения несколькими словоформами у них больше, чем у непеходных глаголов. Как показали наблюдения, очень большая группа переходных глаголов характеризуется тем, что сочетается в соответствии с формулой семантической валентности, обусловленной тем или иным определенным значением глагола, с двумя, реже - тремя именными распространителями-формами косвенных падежей (с предлогом или без предлога). Эти формы имени присоединяются к глаголу посредством управления, которое в данной работе понимается как подчинительная связь, в основе которой лежит предопределенная семантическая и грамматическая зависимость формы косвенного падежа имени от другого слова. Исходя из такого, узкого, понимания управления и учитывая особенности плана словосочетания, за основу разграничения сильного и слабого управлений в словосочетаниях

принимая стабильность-нестабильность формы предопределенного зависимого компонента словосочетания. Связь слабого управления между стержневым и зависимым компонентами наблюдается в том случае, когда зависимое имя может выступать в одной из ряда возможных падежных форм (с предлогом или без предлога) /12/.

При таком подходе к определению этих разновидностей управления появляется возможность для более строгого разграничения не только управляемых и неуправляемых форм косвенных падежей, но и самих управляемых словоформ. Принимаемое в нашей работе понимание силы управления связано не с предопределенностью употребления формы косвенного падежа, а с большими или меньшими ограничениями в ее выборе: при максимуме ограничений глагол выбирает строго определенную словоформу (исключая случаи вариантности), при минимуме ограничений - глагол не может обойтись без распространителя, но не допускает возможность выбора из ряда "функционально тождественных словоформ", по терминологии А.М. Мухина /13/. См. примеры словосочетаний, образованных переходными глаголами: "подарить книгу сестре", "зачерпнуть воду ковшем", где имеется двойное сильное управление, и словосочетания: нести чемодан (к другу, в комнату и т.п.), поставить чемодан (на полку, к стенке и т.д.), где первый компонент сильноуправляемый, а компоненты в скобках слабоуправляемые, то есть имеет место комбинация сильного и слабого управлений.

Итак, ключ к решению этого вопроса, на наш взгляд, содержится в глубоких и метких замечаниях Л.В. Щербы о "языке как системе" и "речи". Он пишет, что в "язык как ситему" входят "слова", типовые способы создания новых слов, а также схемы или правила построения различных языковых единств - все это, конечно, социальное, а не индивидуальное... К речи же... относятся... все процессы говорения и понимания, разыгрывающиеся в индивидууме" /14/. В этом положении кроется ответ на вопрос о факультативных и обязательных компонентах синтаксических единиц, следовательно, носителям языка известны не только слова, но и модели их обязательной и факультативной сочетаемости. Этот механизм и включается всякий раз при "говорении", то есть при использовании слов в речи. Недостаточное владение таким механизмом неродной речи и приводит часто к ошибкам в построении синтаксических единиц в русской речи калмыков.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26-35.
2. Житецкий И.А. Астраханские калмыки. - Астрахань: Б.и., 1892, с. 3.
3. Национальный состав и языки народов Калмыцкой АССР. - Элиста, 1984. - 12 с.
4. Почепцов Г.Г. Об обязательном и факультативном окружении. - Вопр. языкознания, 1968, № 1, с. 20-27; Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. - М.: Просвещение, 1971. - 237 с.
5. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории. - Вестник ЛГУ, серия истории языка и литературы, 1948, вып. 2, с. 132.
6. Засорина Л.Н., Берков В.П. Понятие валентности в языке. - Там же, 1961, вып. 2, № 8, с. 11-22.
7. Малашенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. - Ростов н/Д: РГУ, 1972, с. 21.
8. Адмони В.Г. Завершенность конструкций как явление грамматической формы. - Вопр. языкознания, 1958, № 1, с. 9-17; Иванчикова Е.Д. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. - Вопр. языкознания, 1965, № 5, с. 9-17.
9. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. - М.: Просвещение, 1983. - 80 с.
10. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. - Вопр. языкознания, 1964, № 6, с. 12-24.
11. Малашенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1974, с. 9.
12. Буланин Л.Л. Об управлении в русском языке. - Уч. зап. Тартусского ун-та, 1975, вып. 375, с. 5-14.
13. Мухин А.М. Парадигматический и синтагматический аспекты в трактовке падежных форм как синтаксических элементов. - Филологические науки, 1964, № 4, с. 14-21.
14. Цит. по: Хрестоматия по истории языкознания 19-20 вв./ Сост. В.А. Звегинцев. - М.: Учпедгиз, 1956, с. 265.